

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: события, информация, юбилеи

«Конструктивистский подход»: pro и contra

Рецензия на книгу: Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. Отв. ред.: академ. РАН В. А. Лекторский. М., «Канон+», 2009, 368 с.

Порус В. Н.*

Constructivist approach: pro and contra

Book review on «Constructivist approach in epistemology and human sciences». Ex. Editor: Academician of Academy of Sciences RF. V. A. Lectorskiy, M., «Kanon». 2009, 368 p.

Porus V.N.*

Отличительный знак «эпистемологического конструктивизма» — тезис о том, что познаваемая реальность есть продукт познавательной деятельности. Он выдвигается в противовес «реалистическим» концепциям, согласно которым и познавательная деятельность, и ее результаты определены существующей независимо от них реальностью. Эта оппозиция стара, но кажется всегда новой из-за множественности своих вариаций, почему ее и относят к разряду «вечных» философских проблем. Если оба тезиса сталкиваются, так сказать, «в лоб», образуется, якобы, неразрешимое противоречие, вокруг которого выстраиваются полки враждующих философских «армий». Однако более пристальное внимание к этим тезисам обнаруживает, что они являются в известном смысле дополняющими друг друга. Собственно, демонстрации этого посвящено большинство статей, вошедших в коллективную монографию.

Крайностям реализма и конструктивизма В. А. Лекторский противопоставляет концепцию «конструктивного реализма», восходящую к пионерским работам Дж. Гибсона, а среди современных ее представителей называет Р. Харре, Н. Лумана, Б. Латура и др. Суть кон-

цепции такова: «любая конструкция предполагает реальность, в которой она осуществляется, и которую она выявляет и пытается трансформировать. С другой стороны, реальность выявляется, актуализируется для субъекта только через его конструктивную деятельность» (с. 37). Дополнительность налицо, но чтобы извлечь из нее теорию, надо потрудиться над выяснением смыслов, какими наделяются слова «реальность», «субъективность» и «деятельность», привлекая данные современных наук и философски транскрибируя их. Овчинка стоит выделки, ибо «конструктивный реализм — это и есть современная философская установка, соответствующая той ситуации, которая создана развитием науки, техники и коммуникационных социальных процессов» (с. 40).

Развивая ту же тему, В. С. Степин замечает, что «наши представления об исследуемой реальности всегда обусловлены спецификой нашей деятельности с исследуемыми объектами, исторически накопленными познавательными средствами, характером культуры, в контексте которой осуществляется познавательная деятельность» (с. 61). Отношение того, что создано человеческой деятельностью, к тому, что существует до и независи-

*Порус Владимир Натанович — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой «Онтология, логика и теория познания» Национального исследовательского университета-Высшей школы экономики. E-mail: vporys@rambler.ru

мо от нее, существенно зависит от системных образов, в каких мы представляем естественное и искусственное. При практическом и теоретическом освоении сложных саморазвивающихся систем (космологических, биологических, социальных) это отношение получает новые, по сравнению с механическими или гомеостатическими системами, характеристики. Здесь искусственное может предстать как вариант естественного, следовательно, научные онтологии обладают конструктивно-деятельностью природой.

Р. Харре ставит ряд трудных вопросов: «на чем основывается наша уверенность в универсальной применимости научного знания?... в правдоподобности картин, рисуемых теоретическим знанием?» (с. 77). Прямолинейные ответы в духе «классической гносеологии», например, что эта уверенность базируется на экспериментах и логике, не удовлетворяют британского «классика социального конструкционизма» (так его называет в своей статье В. А. Лекторский); он считает, что «провал между тем, в чем мы можем быть уверены на основе прямых конкретных данных, и тем, чему мы доверяем» должен быть заполнен социологией знания, обращенной к социальным и психологическим аспектам научных сообществ. «На мнения сообщества влияют открыто заявленные мнения людей, обладающих престижем и, предположительно, компетенцией. Однако со временем эти мнения ставятся под вопрос новыми экспериментами и наблюдениями» (с. 78). Продолжать эту череду можно сколько угодно, и следовательно, Р. Харре также склоняется к «конструктивному реализму».

Соответствует этому и позиция В. С. Швырева, выраженная в одной из его последних статей: «реализация проектно-конструктивных функций стимулирует развитие знания той реальности, с которой мы работаем, и, наоборот, эти знания оказываются предпосылками развития проектно-конструктивной деятельности» (с. 102). Методология конструктивного реализма, подчеркивает Г. Ленк, исходит из тезиса: «Любая форма «схватывания» мира неизбежно и необходимо сама по себе глубоко переплетена с интерпретациями, включая не только элементарные и рафинированные схематизации, но и теории, теоретические предположения... Тем не менее, с любой по необходимости нагруженной интерпретациями точки зрения практически неизбежно... гипотезировать независимый от нас «мир» как «реальный»... Всякая идентификация объектов всегда уже интерпретативна» (с. 129).

Т. Рокмор посвятил свою статью конструктивизму Гегеля. По Гегелю, знание возникает в результате процесса, «в котором теория, основанная на предшествующем опыте, подвергается испытанию, а затем, если она не

проходит испытание опытом, переформулируется» (с. 137). Если наши теории изменяются под воздействием опыта, то они не могут претендовать на окончательное разрешение проблем относительно «реально существующих объектов». «Гегельянский конструктивизм сводится к историческому по внутренней сути взгляду на эпистемологию как на процесс проб и ошибок, имеющий место в социальном контексте» (с. 139). Думаю, что К. Поппер, решительный критик Гегеля, вряд ли возражал бы против такого «конструктивизма», слегка закрыв глаза на «социальный контекст». Но сводится ли эпистемология Гегеля к тому, что о ней думает Т. Рокмор? У меня на этот счет большие сомнения.

Н. М. Смирнова замечает, что феноменология, выносящая за гуссерлевские «скобки» все онтологические допущения об объектах познания, является наиболее радикальным конструктивизмом. Последнее выражение этой радикальности — Трансцендентальное Я, являющееся источником смыслов любых предметностей. Главная трудность — возможно ли через идеальное конституирование Другого прийти к утверждению о его независимом существовании? Гуссерль пытался преодолеть эту трудность концепцией «трансцендентальной intersубъективности». А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман и др. трансформировали последнюю в «социальную феноменологию», ставшую конструктивизмом «второго порядка»: теоретические конструкты социальных наук создаются на основе конструктов обыденного мышления, представляющих когнитивное содержание жизненного мира человека. У меня вопрос: что же тогда остается от «трансцендентального субъекта», на которого возлагал надежды основатель феноменологии? Не следует ли заключить, что «социальная феноменология» вошла в комиссию по организации похорон замысла Гуссерля, чтобы вывести рационализм из тупика и тем преодолеть «кризис европейской культуры»? Подобные вопросы не в чести у современных феноменологов, а беспристрастные ответы все же хотелось бы услышать.

Вообще говоря, отношение конструктивизма (и даже «конструктивного реализма») к «рациональности» и «объективности» выглядит проблематичным при всех оговорках и ритуальных ссылках на «достижения современной науки». Можно, например, «поручить» субъекту выбирать (конструировать) самого себя из множества возможных проектов, представляемых ему «социальной реальностью» (Е. О. Труфанова). Но не ясно, кто и как выполнит это поручение: чтобы выбрать себя, надо обладать соответствующей способностью и рациональными критериями различения «хорошего» и «плохого» выбора, то есть уже быть субъектом еще до всякого самоконструирования! Феноменология у позднего М. К. Мамарда-

швили существенно переплеталась с экзистенциальной установкой (Ю. В. Пуцаев), для которой мысль об общих «правилах» или «нормах» рационального конструирования является чуждой. Нет никакого сомнения в том, что конструкторская деятельность присутствует во всех областях познания, и можно даже согласиться с тем, что познание и есть конструирование (М. А. Розов, с. 215). Но конструируем ли мы и оценки результатов нашего конструирования? Или все же «мир как таковой» является не безучастным зрителем, но соавтором драмы познания? Кажется, к последнему склоняются сторонники синергетической методологии (В. И. Аршинов, В. Г. Буданов), во всяком случае, они говорят о «лаборатории природы и лаборатории культуры» как о продуктивной метафоре: в лаборатории природы творится и изменяется мир, а в лаборатории культуры человек совместно с природой творит антропную сферу. Еще жива надежда, что объединение коммуникативной рациональности, социального коммуникативного действия и конструктивистского подхода даст в итоге «методологию коммуникативного конструктивизма», способную оказать положительное влияние на решение управленческих проблем и даже помочь построить «хорошее общество» (И. П. Фарман). Но ведь не сбросишь со счетов и то, на что указывают критики подобных идей: возможности рациональной и ответственной коммуникации сильно преувеличены, они могут быть урезаны или вовсе уничтожены либо властью, либо экстраординарными обстоятельствами, а о таких понятиях, как толерантность, об этических нормах консенсуса, уважении к чужому мнению (без чего разговоры о коммуникативном конструктивизме оказываются пустыми) в наше время говорят с плохо скрываемым сарказмом — и ведь не без оснований!

Разумеется, тезис «деятельностного направления» в философии и психологии (в книге оно представлено В. М. Розиным): мир дан нам в формах нашей деятельности — созвучен конструктивизму. Но стоит ли ставить знак равенства между ними? Если видеть в обоих направлениях только методологическую сторону, отправляя за кулисы философскую (в духе Г. П. Щедровицкого и его учеников и продолжателей), то проблема тривиальна: коль скоро философия есть несущественный довесок к методологии, то учитывать ее интересы необязательно. Но если философия

обладает «самостоянием» (а ведь не так уж много умных людей отважатся сегодня на отрицание этого!), то ее место не за кулисами, а на авансцене интеллектуальных поисков.

Соглашусь с Б. И. Пружининым и Т. Г. Щедриной: конструктивизм, как совокупность методологических идей надо отличать от конструктивизма, как «умонастроения». В первом значении — это область исследований, в которой, главным образом, решаются вопросы типа: «как?», что важно и интересно для эпистемологии и не только для нее. Во втором — «конструктивистские установки связаны с попытками изменить самого человека, поскольку граница между миром и человеком... переместилась в сознание. И попытки сконструировать «мягкий» и «удобный» мир связаны с манипулированием сознанием человека» (с. 365).

Я благодарен авторам за эту мысль. Мне кажется, что она действительно раскрывает некую «тайну», рассуждать о которой — не так уж много охотников. В конструктивистские формы и формулы выливается прекрасная мечта о свободе человеческого духа, но как это часто бывает, при соприкосновении с реальностью мечта либо вянет, либо уродуется (так мечты о справедливом обществе часто оборачиваются программами насилия и ширмами, прикрывающими цинизм). Освобожденный дух, сбросивший узду рациональности и объективности, способен стать монстром, а его свобода — тем, что на современном жаргоне называют «беспредделом». Видимо, именно это имеет в виду Е. Л. Черткова: «современный конструктивизм выражает скорее дух усталости и разочарования в познании и культуре вообще, неверие, как в социальный идеал, так и в возможности реализации классического идеала познания» (с. 352).

Книга полемична, и в этом ее очевидное достоинство. Полемизируют между собой и ее соавторы, а это говорит о том, что спор важен и не исчерпан. Читатель оказывается втянутым в этот спор, и я думаю, что на итог полемики (если представить, что он возможен) как раз мнения читателей окажут серьезное воздействие. Рекомендую эту книгу не только профессионалам, но всем тем, кто в философии видит не собрание умственных кунштюков, а средоточие важнейших дискуссионных вопросов, отображающих сложность и противоречивость духовного процесса наших дней.